

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ВЕСЕЛОВ И ДРУГИЕ против РОССИИ»

(жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

2 октября 2012 г.

По делу «Веселов и другие против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:
Нина Вайич, *Председатель*,
Анатолий Ковлер,
Пер Лоренсен,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Линос-Александр Сицильянос,
Эрик Мос, *судьи*,
а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,
проведя заседание за закрытыми дверями 11 сентября 2012 г.,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по трем жалобам (№ 23200/10, 24009/07 и 556/10) против Российской Федерации, поступившим в Суд в порядке статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) от трех граждан России: Веселова Виктора Сергеевича, Золотухина Максима Борисовича и Дружинина Игоря Вячеславовича (далее – заявители) 8 апреля 2010 г., 3 мая 2007 г. и 12 ноября 2009 г., соответственно.

2. В Суде их интересы, соответственно, представляли О.О. Михайловская, адвокат, практикующий в г. Москве, Г.Б. Габдрахманов, адвокат, практикующий в г. Екатеринбурге, и В.Г. Тучин, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (далее — Власти) представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Каждый из заявителей утверждал, что был осужден за совершение преступлений в области оборота наркотических средств в связи с провокацией со стороны сотрудников правоохранительных органов в нарушение статьи 6 Конвенции.

4. 25 ноября 2010 г. жалобы были коммуницированы Властям. Также Суд решил рассмотреть жалобы по существу одновременно с решением вопроса об их приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. В отношении каждого из заявителей были проведены оперативные мероприятия в форме проверочной закупки наркотических средств на основании статей 7 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Эти оперативные мероприятия привели к признанию их виновными в незаконном сбыте наркотических средств.

6. Фактические обстоятельства дела, представленные сторонами, кратко изложены ниже. Заявители не согласились с Властями в части оснований и обстоятельств, приведших к проверочным закупкам. В соответствующей части приведены обе версии событий. Фактические обстоятельства оперативных мероприятий не являются предметом оспаривания. В частности, общим является то, что заявители сознательно приобретали наркотики в ходе проверочных закупок.

А. Жалоба г-на Веселова

7. Заявитель, 1989 года рождения, проживает в г. Москве. На момент задержания он был студентом третьего курса колледжа управления. В настоящее время он отбывает наказание в исправительной колонии.

8. По данным Властей 19 мая 2009 г. гражданин Х. добровольно пришел в милицию и сообщил, что два человека, «Виктор» (заявитель) и «Руслан», продают гашиш по цене 600 рублей за 1 грамм.

9. По словам заявителя, Х. был наркозависимым, имел судимость за незаконное хранение наркотиков и являлся милицейским информатором, который ранее принимал участие в проверочных закупках наркотиков. В обоснование своих утверждений заявитель представил копию приговора в отношении Х. и копии четырех приговоров в отношении четырех человек, не связанных с его уголовным делом, где Х. выступал в роли покупателя при проведении проверочных закупок марихуаны, героина и гашиша у обвиняемых.

10. По общему мнению, подтвержденному официальными документами, милиция назначила проведение проверочной закупки и приступила к ней сразу после получения информации от Х. В постановлении было указано имя заявителя и утверждалось, что он подозревается в продаже гашиша по цене 600 рублей за грамм. Х. позвонил «Руслану» и сказал, что он хотел бы приобрести гашиш. Сотрудники милиции присутствовали при разговоре Х. с «Русланом», но разговоры не были записаны. Х. было выдано 3 000 рублей, с которых были сделаны копии. Он встретился с «Русланом» позже в тот

же вечер, и вместе они встретились с заявителем, который взял у них 1 200 рублей и ушел, чтобы приобрести наркотики. Заявитель был позже задержан, и у него были обнаружены банкноты, которые совпадали с ксерокопиями. Во время проверочной закупки мобильный телефон Х. был включен и соединен с номером сотрудников милиции, что позволило милиции прослушивать их разговоры. Эти разговоры не были записаны. Ни «Руслан», ни лицо, продавшее наркотики заявителю, не были задержаны и не подверглись уголовному преследованию, предположительно, на том основании, что их личность не могла быть установлена.

11. Х. в ходе рассмотрения дела в суде показал, что он встретился с заявителем и «Русланом» в местном супермаркете приблизительно за две недели до проведения проверочной закупки. В ходе беседы заявитель сказал ему, что он может достать некоторое количество гашиша для него. «Руслан» дал ему свой номер телефона. Впоследствии Х. добровольно сообщил эту информацию милиции и согласился принять участие в проверочной закупке. Он дал показания о том, что раньше он не приобретал наркотики у заявителя. Когда адвокат подсудимого проводил перекрестный допрос Х., суд запретил задавать вопросы о его судимости и употреблении им наркотиков. Суд также отклонил ходатайство о признании в качестве доказательств постановлений, доказывающих, что Х. ранее выступал в качестве покупателя в ходе проверочных закупок наркотических средств.

12. Сотрудники милиции, которые инициировали и провели проверочную закупку, дали показания в суде о том, что не знали заявителя в качестве торговца наркотиками до того, как им об этом сообщил Х. Они повторили информацию об обстоятельствах проведения проверочной закупки.

13. В ходе судебного разбирательства заявитель признал себя виновным в оказании помощи «Руслану» в покупке наркотиков, но заявил, что это было результатом давления со стороны сотрудников милиции. Заявитель утверждал, что он и «Руслан» изредка курили гашиш, однако он не занимался продажей гашиша, равно как и его сбытом кому-либо другим образом. Проведенная проверочная закупка стала первым случаем, когда он согласился помочь «Руслану» или кому-либо другому в приобретении наркотиков, и сделал это исключительно в результате провокации.

14. Человек по имени «Руслан» не был подвергнут перекрестному допросу в ходе судебного заседания, предположительно потому, что следственные органы не смогли установить его личность.

15. 15 сентября 2009 г. Никулинский районный суд г. Москвы признал заявителя виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств и приговорил его к четырем с половиной годам

лишения свободы. Суд не дал прямой оценки утверждениям заявителя о его провокации.

16. Заявитель обжаловал приговор. Он повторил свое заявление о провокации, заявляя, в том числе, что Х. был осведомителем милиции, и оспаривая отказ суда первой инстанции принять в качестве доказательств соответствующие документы. Он также утверждал, что у милиции не было никакой другой информации, свидетельствующей о том, что он ранее продавал наркотики. Он также жаловался на то, что власти не предприняли попыток найти и допросить «Руслана», который сыграл ключевую роль при проведении проверочной закупки и, возможно, мог бы пролить свет на степень провокации.

17. 11 ноября 2009 г. Московский городской суд оставил приговор суда первой инстанции без изменений. Он повторил вывод о том, что заявитель попытался продать наркотики во время проверочной закупки и косвенным образом отклонил жалобу о провокации, не отвечая на доводы заявителя.

Б. Жалоба г-на Золотухина

18. Заявитель, 1982 года рождения, проживает в г. Екатеринбурге. В настоящее время он отбывает наказание в г. Нижний Тагил.

19. Согласно утверждениям Властей, 13 июня 2006 г. г-жа У. добровольно пришла в милицию и сообщила, что является зависимой от героина, и что она хотела бы предоставить информацию о лице, продающем ей наркотики. Она сказала, что покупает героин у заявителя в течение длительного времени, но не указала точный период. Сотрудники милиции предложили ей принять участие в проверочной закупке наркотических средств у заявителя, и она согласилась.

20. По словам заявителя, он знал У. с начальной школы и через свою подругу. Он знал, что У. была наркозависимой; она иногда предлагала продать ему подержанные мобильные телефоны неизвестного происхождения. За несколько месяцев до проверочной закупки она продала ему DVD-плеер, который был позже изъят милицией как украденный предмет. Поэтому У. была должна заявителю 6 000 рублей, которые она не могла отдать. 13 июня 2006 г. она связалась с ним и предложила вернуть долг, но сказала, что она вернет его, если он приобретет для нее героин, в котором она очень нуждалась. Заявитель связался со знакомым торговцем наркотиками, и приобрел то количество, которое попросила У. Он заявил, что это был первый раз, когда он согласился купить наркотики для У. или кого-либо еще.

21. Сторонами не оспаривается, что до получения информации от У. милиция не располагала какими-либо сведениями о возможной причастности заявителя к торговле наркотиками.

22. В тот же день сотрудниками милиции было назначено проведение проверочной закупки. В постановлении было указано имя и адрес заявителя, а также то, что он подозревается в продаже героина по цене 500 рублей за грамм. У. была выдана сумма в размере 3 000 рублей банкнотами, с которых были сняты копии. Она позвонила заявителю и договорилась о покупке 5 граммов героина. Содержание телефонного разговора, который был сделан из отделения милиции и в присутствии сотрудников милиции, не было записано. Заявитель встретился с У. в согласованном месте в городе, и она передала ему деньги. Милиция задержала заявителя на месте. У него были обнаружены деньги в сумме 3 000 рублей банкнотами, которые соответствовали тем, которые скопировала милиция. У У. изъяли пакетик героина, предположительно купленного у заявителя. Заявитель утверждал, что не продавал наркотики, изъятые у У., потому что должен был передать их ей позже.

23. После задержания заявитель предложил назвать милиции дилера, у которого он приобрел героин для У., и провести проверочную закупку у него, но дальнейших мероприятий после этого предложения не было осуществлено.

24. В первой инстанции дело рассматривалось Орджоникидзевским районным судом г. Екатеринбурга. В ходе судебного разбирательства заявитель частично признал себя виновным, но заявил, что преступление, которое он совершил, было результатом провокации со стороны милиции. Он указал, в частности, что не было никаких доказательств того, что он ранее занимался торговлей наркотиками. Он утверждал, что У. ранее просила, чтобы он приобрел героин для нее, зная, что он знаком с торговцем наркотиками, но он всегда отказывался. 13 июня 2006 г. он впервые согласился помочь ей и сделал это только потому, что она обещала отдать свой долг, если он это сделает. Он настаивал на том, что ее участие в проверочной закупке не было добровольным, а было инициировано сотрудниками милиции, которые манипулировали ей, используя ее положение наркозависимой.

25. У. в ходе рассмотрения дела в суде дала показания о том, что 13 июня 2006 г. она добровольно пришла в милицию, чтобы сообщить о причастности заявителя к незаконному обороту наркотиков. Она также заявила, что ранее покупала героин у заявителя, как минимум, три раза.

26. Сотрудник милиции, который проводил проверочную закупку, сообщил в ходе судебного заседания, что 13 июня 2006 г. У. добровольно пришла в отделение милиции и сообщила, что она

страдает от наркотической зависимости от героина и хочет проинформировать милицию о том, что приобретает наркотики у заявителя. Он также показал, что У. сотрудничала с ним в течение шести месяцев до проведения данной проверочной закупки, и что она принимала участие в других несвязанных с этим делом проверочных закупках наркотиков у иных лиц. Далее он указал, что до 13 июня 2006 г. милиция не имела никакой информации о заявителе, и что контрольная закупка была назначена, как только У. сообщила ему эту информацию. Ее попросили сделать телефонный звонок заявителю непосредственно из отделения милиции; по телефону она только попросила, чтобы заявитель продал ей героин, и больше ни о чем другом не упоминала.

27. Районный суд также провел перекрестный допрос другого сотрудника милиции, который принимал участие в проверочной закупке, и огласил показания понятых, в которых они подробно описывают проведение проверочной закупки. 28 сентября 2006 г. районный суд признал заявителя виновным в покушении на незаконный сбыт наркотического средства в особо крупном размере. Суд не рассмотрел отдельно заявление о провокации заявителя, признав факт продажи в достаточной степени установленным и отметив соответствие проверочной закупки процессуальным требованиям. Суд счел, что изложенная заявителем версия событий, согласно которой он встретился с У. в связи с наличием долга, опровергалась другими доказательствами. Заявитель был приговорен к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

28. Заявитель обжаловал приговор, заявляя о провокации со стороны сотрудников милиции к совершению преступления, за которое он был осужден, и утверждая, что суд первой инстанции неверно оценил доказательства.

29. 6 декабря 2006 г. Свердловский областной суд оставил приговор суда первой инстанции без изменений. Он не рассмотрел заявление о провокации, а ограничился лишь признанием осуждения заявителя законным и обоснованным.

В. Жалоба г-на Дружинина

30. Заявитель, 1977 года рождения, проживает в г. Москве. В прошлом он проходил подготовку к службе в правоохранительных органах. В 2002 году он был осужден за убийство и после освобождения работал сварщиком. В настоящее время он отбывает тюремный срок в исправительной колонии в Республике Мордовия после признания его виновным в совершении преступления, связанного с наркотиками, о котором идет речь ниже.

31. Согласно утверждениям Властей, 4 сентября 2008 г. г-жа Z. добровольно пришла в местное отделение Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (далее – ФСКН, милиция) и сообщила, что является зависимой от героина, и что она хотела бы предоставить правоохрательным органам информацию о том, что заявитель является торговцем наркотиками. Сотрудники ФСКН предложили ей принять участие в проверочной закупке наркотиков у заявителя и она согласилась.

32. Сторонами не оспаривается тот факт, что до получения информации от Z. правоохрательные органы не располагали какими-либо сведениями о возможной причастности заявителя к торговле наркотиками. Однако Власти также заявили, что данная информация была подтверждена рапортом сотрудника ФСКН, составленным в тот же день – 4 сентября 2008 г.

33. Согласно утверждениям заявителя, он был знаком с г-жой Z. около десяти лет через своих знакомых; кроме того, он был знаком с некой Р., также через личных знакомых. В связи с прохождением подготовки к службе в ФСКН он знал, что эти две женщины были наркозависимыми, ранее судимыми за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и что они были осведомителями правоохрательных органов. 4 сентября 2008 г. Z. позвонила ему и попросила дать ей номер телефона Р., так как она хотела купить у нее наркотики. Z. сказала, что у нее тяжелый абстинентный синдром и она близка к совершению самоубийства. Позже в тот же день она снова позвонила ему и попросила, чтобы он сопровождал ее на встречу с Р., потому что она боялась, что Р. не продаст ей наркотик, если она будет на встрече одна. Из сострадания он согласился пойти с ней. Когда все трое встретились, Р. продала Z. два грамма метамfetамина, самодельного наркотика, производимого из эфедрина и называемого в материалах дела жаргонным словом «винт». Заявитель был задержан на месте. Он утверждал, что у него не было ни денег, ни наркотиков во время задержания, заявляя, что деньги были подложены ему во время обыска. Он признал, однако, что помогал Z. в покупке «винта», но настаивал на том, что это был первый раз, когда он сделал это для Z., поддавшись ее настойчивой просьбе.

34. В официальных документах содержится следующее описание проведенной проверочной закупки. После получения информации от Z. сотрудники ФСКН приняли решение о проведении проверочной закупки и приступили к ней незамедлительно. В постановлении было указано имя заявителя и утверждалось, что он подозревается в продаже «винта» по 500 рублей за грамм. Z. было выдано 1 000 рублей банкнотами, с которых были сняты копии. Она позвонила заявителю из здания ФСКН и попросила, чтобы он купил для нее наркотики. Он перезвонил ей позже и они договорились о покупке двух граммов

«винта». Сотрудники ФСКН прослушивали разговоры Z. с заявителем по телефону, но они не были записаны. Заявитель встретил Z. позднее вечером того же дня и вместе они пришли на встречу с Р. Когда Z. подала сигнал сотрудникам ФСКН, они задержали заявителя и доставили его в отделение. В отделении сотрудники осмотрели бумажник, предположительно найденный у него, в котором была 1 000 рублей банкнотами, которые соответствовали копиям. Z. передала шприц с «винтом», предположительно купленный у заявителя. Р была также задержана, но была вскоре освобождена и не была подвергнута уголовному преследованию.

35. В ходе судебного разбирательства заявитель признал себя виновным в оказании помощи Z. в приобретении наркотиков, но утверждал, что его спровоцировали на совершение этих действий сотрудники ФСКН и ходатайствовал о том, чтобы доказательства, полученные в ходе проверочной закупки, были исключены.

36. Z. показала, что она добровольно предоставила правоохрнительным органам информацию о заявителе, потому что она думала, что это облегчит преодоление ею наркотической зависимости. Она заявила, что до проведения проверочной закупки она никогда не покупала наркотики у заявителя; однако, так как они обычно покупали и употребляли их вместе, она сказала сотрудникам ФСКН, что сможет убедить его приобрести наркотики для нее. Она также заявила, что не знала, продавал ли заявитель ранее наркотики кому-либо еще, и она была почти уверена в том, что он сам их не производил. Она также признала, что обычно покупала наркотики у другого источника. Наконец, относительно обстоятельств проведения проверочной закупки она указала, что передала деньги заявителю и взяла у него шприц и что она не видела, как Р. держала в руках деньги или шприц.

37. Заявитель ходатайствовал о вызове и допросе Р., но суд отметил, что она была вызвана, однако скрылась и ее местонахождение неизвестно. Суд посчитал это исключительным обстоятельством, позволяющим принять во внимание ее письменные показания. Несмотря на возражения заявителя, суд огласил показания, данные Р. в ходе предварительного расследования, согласно которым она принесла наркотики в согласованное место по просьбе заявителя и продажа была организована им.

38. Четверо сотрудников правоохрнительных органов были допрошены в судебном заседании об обстоятельствах проверочной закупки и подробно описали процесс ее проведения. Один из них, отвечая на заданный вопрос, сообщил, что Z. не получала вознаграждения за сотрудничество с правоохрнительными органами.

39. 17 февраля 2009 г. Зюзинский районный суд г. Москвы признал заявителя виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических

средств и приговорил его к четырем с половиной годам лишения свободы. Срок наказания был увеличен до пяти лет в связи с нарушением условно-досрочного освобождения по предыдущему приговору суда.

40. Заявитель обжаловал приговор, заявляя о провокации со стороны ФСКН к совершению преступления, за которое он был осужден, и жалуясь на то, что суд первой инстанции неверно оценил доказательства.

41. 13 мая 2009 г. Московский городской суд рассмотрел кассационную жалобу. Он отклонил заявление о провокации, указав, что проверочная закупка была основана на информации, предоставленной правоохранительным органам Z., в частности, о том, что она «ранее неоднократно покупала наркотики у заявителя», и пришел к выводу о том, что проверочная закупка, таким образом, была законной. Он оставил приговор суда первой инстанции без изменений как обоснованный.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

A. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков

42. Статья 228.1 Уголовного кодекса (в редакции, действующей в соответствующее время) предусматривала, что незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет; те же деяния, совершенные в крупном размере или группой лиц по предварительному сговору, наказываются лишением свободы на срок до двенадцати лет; те же деяния, совершенные в особо крупном размере, наказываются лишением свободы на срок до двадцати лет (пункт «г» части 3 статьи 228.1).

43. 15 июня 2006 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Пленумом Верховного Суда разъяснено, в частности, что в случаях, когда продажа указанных веществ осуществляется в ходе проверочной закупки, проводимой в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», содеянное следует квалифицировать как покушение на незаконный сбыт по части 3 статьи 30 и статье 228.1 Уголовного кодекса. В постановлении Пленума также изложены следующие условия, при соблюдении которых результаты проверочной закупки могут быть приняты в

качестве доказательств по уголовному делу: (i) они должны быть получены в соответствии с законом; (ii) они должны подтверждать наличие у обвиняемого умысла на незаконный оборот запрещенных веществ, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений; и (iii) они должны подтверждать, что обвиняемый выполнил все подготовительные действия, необходимые для совершения преступления.

Б. Методы ведения расследования

44. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ предусматривал следующее в соответствующий период времени:

Статья 1: Оперативно-розыскная деятельность

«Оперативно-розыскная деятельность - вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее — органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств».

Статья 2: Задачи оперативно-розыскной деятельности

«Задачами оперативно-розыскной деятельности являются:

— выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

...».

Статья 5: Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности

«...

Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд.

...».

Статья 6: Оперативно-розыскные мероприятия

«При осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия:

...

4. Проверочная закупка.

...

9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.

10. Прослушивание телефонных переговоров.

11. Снятие информации с технических каналов связи.

12. Оперативное внедрение.

13. Контролируемая поставка.

14. Оперативный эксперимент.

...

Оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров через [телекоммуникационные компании], со снятием информации с технических каналов связи, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

...».

Статья 7: Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий

«[Основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются;]...

1. Наличие возбужденного уголовного дела.

2. Ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о:

(1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет

достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

...».

Статья 8: Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий

«Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

1. О признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.

2. О лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.

...

Проверочная закупка..., оперативный эксперимент или оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а равно лиц, оказывающих им содействие, проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

...».

Статья 9: Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий

«Рассмотрение материалов о проведении мероприятий, касающихся ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-розыскных мероприятий осуществляется судом, как

правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении. Указанные материалы рассматриваются уполномоченным на то судьей единолично и незамедлительно. Судья не вправе отказать в рассмотрении таких материалов.

...

По результатам рассмотрения указанных материалов судья разрешает проведение соответствующего оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан, либо отказывает в его проведении, о чем выносит мотивированное постановление.

...».

Статья 10: Информационное обеспечение и документирование оперативно-розыскной деятельности

«Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них настоящим Федеральным законом, могут создавать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета.

Дела оперативного учета заводятся при наличии оснований, предусмотренных пунктами 1–6 части первой статьи 7 настоящего Федерального закона...».

Статья 11: Использование результатов оперативно-розыскной деятельности

«Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий..., а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. ...».

45. 24 июля 2007 г. в статью 5 Закона были внесены изменения, запрещающие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность прямо или косвенно подстрекать или побуждать к совершению преступлений.

46. Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, действующего с 1 июля 2002 г., предусматривала в соответствующее время, что постановления дознавателя, следователя или прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования. В результате последующих изменений, внесенных в Кодекс, в список

должностных лиц, чьи действия могут быть обжалованы, был включен руководитель следственного органа.

47. 10 февраля 2009 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Пленум указал, в том числе, что решения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания, могут быть также обжалованы в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса.

В. Доказательства в рамках уголовного дела

48. В соответствующей части Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает:

Статья 75: Недопустимые доказательства

«1. Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из [обстоятельств, подлежащих доказыванию].

...».

Статья 235: Ходатайство об исключении доказательства

«...

5. Если суд принял решение об исключении доказательства, то данное доказательство теряет юридическую силу и не может быть положено в основу приговора или иного судебного решения, а также исследоваться и использоваться в ходе судебного разбирательства».

49. В статье 392 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлен перечень оснований, по которым возможно возобновление дела и пересмотр вступившего в силу решения по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Вынесение Европейским Судом по правам человека постановления, в котором установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод по делу, в связи с которым заявитель подал жалобу в Европейский Суд, следует рассматривать как новое обстоятельство,

требующее возобновления рассмотрения дела (пункт 4 части 4 статьи 392 УПК РФ).

III. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

50. Европейский Суд провел сравнительное исследование законодательства двадцати двух государств-членов Совета Европы (Австрии, Бельгии, Болгарии, Чехии, Хорватии, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Ирландии, Италии, Лихтенштейна, Литвы, Македонии, Польши, Португалии, Румынии, Словении, Испании, Турции и Великобритании), касающегося использования тайных агентов в проверочных закупках и аналогичных секретных операциях.

51. Сравнительное исследование показало, что во всех указанных странах полиция может проводить секретные операции, в том числе по делам о незаконном обороте наркотиков, в соответствии с процедурой, закрепленной в соответствующих законах и нормативных актах. Только в Ирландии не существует никакой формальной законодательной или нормативной базы по использованию тайных полицейских агентов. В ряде стран также предусматривается привлечение частных лиц и разрешается использование тайных агентов только тогда, когда сбор доказательств с помощью других средств является слишком сложным или невозможным.

52. Исследование показывает, что в большинстве рассмотренных стран действует исключительная или совместная ответственность судебных органов в рамках процедуры выдачи разрешения, хотя в некоторых странах принятие решения возлагается на прокурора, административные органы или высокопоставленных лиц в органах полиции.

53. Судебное разрешение требуется в Болгарии (суд), Хорватии (судья, ведущий судебное следствие (investigating judge)), Эстонии (судья, ведущий судебное следствие), Греции (обвинительная палата), Лихтенштейне, Польше (региональный суд с предварительного согласия Генерального прокурора), Словении (судья, ведущий судебное следствие) и Турции (судья).

54. В Австрии и Бельгии санкционировать секретные операции вправе исключительно прокурор.

55. В ряде стран предусмотрено участие прокурора или суда, или обеих инстанций, в зависимости, например, от вида операции или, чаще всего, от стадии производства по делу.

56. В Чешской Республике «*фиктивные передачи*», при которых производятся проверочные закупки, требуют разрешения прокурора, тогда как привлечение тайного агента (в связи с особо тяжкими преступлениями) может быть санкционировано только судьей

Высшего суда. По законодательству Германии использование тайных агентов должно быть санкционировано прокурором и дополнительно судом, если операция направлена на конкретного человека или связана с проникновением в частное помещение. В Румынии также разрешение предоставляется прокурором, но видео- и аудиозапись во время операции требует предварительного разрешения судьи.

57. Во Франции разрешение выдается прокурором на стадии доследственной проверки и судьей, ведущим судебное следствие (*juge d'instruction*), во время предварительного следствия. Законодательство Литвы аналогичным образом требует получения разрешения судьи по подготовке дела к рассмотрению (*pre-trial judge*) во время предварительного следствия, в то время как на более ранней стадии достаточным является разрешение прокурора. В Македонии специальные следственные мероприятия в ходе доследственной проверки могут быть санкционированы либо прокурором, либо судьей, ведущим судебное следствие, но после того, как было начато предварительное расследование, разрешение может быть выдано только последним.

58. В Португалии секретные операции в рамках дознания обусловлены получением предварительного разрешения компетентного сотрудника прокуратуры с обязательным сообщением судье, ведущему судебное следствие, и считаются одобренными, если в течение 72 часов не принято постановление об отказе в выдаче разрешения. Если операция проводится в рамках предупреждения преступлений, выдача соответствующего разрешения относится к компетенции судьи, ведущего судебное следствие, который выдает необходимую санкцию по представлению органов прокуратуры.

59. Законодательство Испании также предусматривает уведомление судьи, ведущего судебное следствие, когда разрешение на проведение секретной операции было выдано прокурором. Такое разрешение может также быть выдано непосредственно судьей.

60. В Италии не существует никаких требований по получению официального разрешения прокурора или суда, но соответствующий орган должен направить предварительное уведомление о начале операции компетентному прокурору. В делах, связанных с наркотиками, прежде чем приступить к секретной операции, Центральное управление по борьбе с наркотиками или его региональное или местное управление должны проинформировать прокурора, отвечающего за расследования, но они не обязаны получать его официальное разрешение.

61. В небольшом числе стран суд и прокурор не участвуют в процедуре получения разрешения. В Финляндии решение о проведении секретных операций принимается руководителем национального бюро расследований или начальником полиции

безопасности по запросу управления регулярной полиции. Органы, принимающие решения, независимы от служб, которые проводят операцию.

62. В Соединенном Королевстве секретные операции требуют разрешения административных, а не судебных органов. В решении Палаты Лордов по делу «Р. против Лузли» (*R v. Loosely*) [2001 г.] Лорд Маккей подчеркнул, что, несмотря на то, что в Соединенном Королевстве процедура по санкционированию и контролю за такими мероприятиями сильно отличается от судебного надзора в континентальных странах, она преследует ту же цель, а именно устранение риска вымогательства, коррупции или злоупотребления полномочиями со стороны полицейских, работающих без надлежащего надзора.

Органы государственной власти, уполномоченные выдавать разрешения на проведение тайных операций (CHIS), перечислены в законе. Каждый государственный орган имеет своего собственного отдельного санкционирующего сотрудника.

Санкционирующие сотрудники не отвечают за санкционирование собственной деятельности, то есть тех операций, в которых они сами будут выступать в качестве CHIS или как руководитель CHIS. Кроме того, они должны, по возможности, быть независимыми от следственных органов. Тем не менее, признается, что это не всегда возможно, особенно в случае небольших организаций, или когда необходимо действовать срочно или по соображениям безопасности. Когда санкционирующий сотрудник санкционирует свою собственную деятельность, это должно быть отмечено в центральном журнале учета разрешений, и во время следующей проверки на это должно быть обращено внимание комиссара или инспектора.

63. В Ирландии также нет судебной процедуры выдачи разрешения. Полиция и другие правоохранительные органы принимают и выполняют все оперативные решения, касающиеся секретных операций.

IV. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

А. Документы Совета Европы

64. Документы Совета Европы по использованию специальных методов оперативно-следственной деятельности приведены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Раманаускас против Литвы» (*Ramanauskas v. Lithuania*) (жалоба № 74420/01, пункты 35-37, ECHR 2008-...).

Б. Резолюции Комитета министров

65. 26 февраля 2001 г. Комитет министров Совета Европы завершил рассмотрение жалобы № 25829/94 по делу «Тейкшейра де Кастро против Португалии» (*Teixeira de Castro v. Portugal*) (постановление от 9 июня 1998 г., сборник постановлений и решений 1998-IV), приняв Резолюцию CM/ResDH(2001)12, в которой описаны меры, осуществленные властями Португалии с целью предупреждения возможных нарушений пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с использованием полицией секретных агентов:

«... для того, чтобы обеспечить отсутствие в использовании секретных агентов ненадлежащего вмешательства в право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное Европейской конвенцией по правам человека, в статью 59 Законодательного декрета № 15/93 о предотвращении незаконного оборота наркотиков были внесены поправки посредством Закона № 45/1996 от 3 сентября 1996 г. В соответствии с дополнительным пунктом 3 статьи 59 использование таких лиц обусловлено наличием разрешения суда, которое должно быть выдано в течение 5 дней и на определенный период.

Власти считают, что в силу более высокого правового статуса Конвенции (в ее толковании Европейским Судом по правам человека) по отношению к национальному праву Португалии (постановления Конституционного Суда № 345/99 от 15 июня 1999 г. и № 533/99 от 12 октября 1999 г.) португальские суды будут осуществлять соответствующий надзор и адаптировать свое толкование Уголовно-процессуального кодекса (в частности, статьи 126) таким образом, чтобы избежать новых нарушений, подобных тем, которые установлены в деле Тейкшейра де Кастро.

Для облегчения такой адаптации постановление Европейского Суда по правам человека было опубликовано в журнале *Revista Portuguesa de Ciência Criminal* (RPCC 10/2000), а также направлено в соответствующие органы, включая полицию».

66. 10 марта 2011 г. Комитет министров завершил исполнение постановления по делу «Пиргиотакис против Греции» (*Pyrgiotakis v. Greece*) (жалоба № 15100/06, постановление от 21 февраля 2008 г.), приняв Резолюцию ResDH(2011)11, которая в соответствующей части предусматривает следующее:

«Выводы Европейского Суда были подтверждены в рамках национальной прецедентной практики: установлено, что в соответствии со статьей 6 Конвенции, осуждение обвиняемого не должно основываться исключительно на действиях сотрудников

полиции, участвующих в деле (в качестве агента-provokatora). В противном случае требования справедливого судебного разбирательства не выполняются (Кассационный суд 193/2009). Кроме того, данное осуждение должно быть основано на дополнительных, убедительных доказательствах, а не только на показаниях соответствующих сотрудников полиции (Кассационный суд 100/2007, Апелляционный суд о. Корфу 29/2007)».

67. 2 декабря 2011 г. Комитет министров Совета Европы завершил исполнение постановлений по вышеуказанному делу «Раманаускас против Литвы» и делу «Малининас против Литвы» (*Malininas v. Lithuania*) (жалоба № 10071/04, постановление от 1 июля 2008 г.), приняв Резолюцию CM/ResDH(2011)231, в которой описаны меры, осуществленные властями Литвы для предупреждения возможных нарушений пункта 1 статьи 6 в отношении использования полицией секретных агентов:

«В целях предотвращения подобных нарушений Верховный Суд изложил в своем решении от 16 декабря 2008 г. общие принципы в отношении случаев, когда используется модель имитации преступного деяния.

Во-первых, Верховный Суд подчеркнул, что модель имитации преступного деяния как метод оперативно-розыскной деятельности не может использоваться для подстрекательства к совершению преступления, а может быть применена только в случае получения достоверной и объективной информации о том, что преступная деятельность была начата.

Во-вторых, государственные должностные лица не могут выступать в качестве частных лиц в целях подстрекательства третьих лиц к совершению преступления, а действия частных лиц, подстрекающих третьих лиц к совершению преступления под контролем и руководством государственных должностных лиц, составляют такое подстрекательство.

В-третьих, можно сделать вывод, что имел место акт подстрекательства, даже если должностные лица не действуют достаточно интенсивно и настойчиво, в том числе в ситуациях, когда контакты с третьими лицами осуществляются косвенно, через посредников.

В-четвертых, бремя доказывания в ходе судебного разбирательства возлагается на органы государственной власти, которые обязаны опровергнуть любой довод, выдвинутый

обвиняемым по уголовному делу в отношении подстрекательства со стороны государственных агентов к совершению преступления.

В-пятых, в случае установления факта подстрекательства никакие доказательства, полученные таким образом не допускаются. Признание вины в совершении преступления в результате подстрекательства не исключает подстрекательство или его последствий.

В-шестых, предпочтительно, чтобы секретные мероприятия находились под контролем суда, хотя надзор прокурора сам по себе не нарушает Конвенцию.

Данное решение Верховного Суда является обязательным для всех национальных судов. Таким образом, оно предусматривает четкую и предсказуемую процедуру в подобных случаях».

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

68. Учитывая, что рассматриваемые жалобы заявителей касаются похожих претензий и в них затрагиваются одни и те же вопросы применения Конвенции, Суд решил объединить их согласно пункту 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

69. Заявители жаловались на то, что они были несправедливо осуждены за связанные с оборотом наркотических средств преступления, которые были спровоцированы сотрудниками милиции, и что их заявления о провокации не были должным образом рассмотрены в ходе судебных разбирательств на национальном уровне в нарушение статьи 6 Конвенции. Эти жалобы должны быть рассмотрены в рамках пункта 1 статьи 6 Конвенции, который предусматривает следующее:

«При предъявлении... ему какого-либо уголовного обвинения, каждый имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...».

70. Власти оспорили этот довод. Они утверждали, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты, поскольку они не оспорили предполагаемую провокацию в органах прокуратуры или в суде.

71. Заявители возражали, указывая, что они делали заявление о провокации в ходе разбирательств в судах первой и кассационной инстанций. Они сослались на выдержки из протоколов судебных заседаний и копии их кассационных жалоб, в которых содержатся соответствующие доводы.

А. Приемлемость жалобы

72. Рассмотрев документы, указанные заявителями, Суд считает, что протоколы судебных заседаний и кассационные жалобы содержат достаточно четкие и конкретные доводы о том, что рассматриваемые преступления были результатом провокации со стороны милиции. Кроме того, как следует из этих документов, а также из соответствующих судебных решений, данные жалобы были поняты национальными судами соответствующим образом, но были отклонены. Следовательно, Суд приходит к выводу о том, что жалобы заявителей были доведены до сведения национальных судов, компетентных их рассматривать.

73. В той мере, в какой можно понять, что Власти заявляют о том, что до или в дополнение к постановке вопроса о провокации в суде заявители должны были подать те же жалобы в прокуратуру, Суд считает, что это не являлось необходимым в целях выполнения требования об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты. Он напоминает, что от заявителя, который исчерпал средство правовой защиты, которое явно является эффективным и достаточным, не должно также требоваться использование других средств, которые были доступны, но, вероятно, не имели шансов на успех (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аквилина против Мальты» (*Aquilina v. Malta*), жалоба № 25642/94, пункт 39, ECHR 1999-III). Когда средство правовой защиты было использовано, использование другого средства правовой защиты, которое, по существу, имеет ту же цель не является обязательным (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 15 октября 2009 г. по делу «Микаллеф против Мальты» (*Micallef v. Malta*), жалоба № 17056/06, пункт 58). В обстоятельствах настоящего дела Суд считает, что заявители выполнили требование об исчерпании средств правовой защиты и не было доказано, что подача жалобы в прокуратуру имела бы большие шансы на успех.

74. Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.

75. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по

каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Власти

76. Власти утверждали, что проверочные закупки, проведенные в рамках всех трех дел, были законными и в них не было провокации со стороны правоохранительных органов. Они настаивали на том, что в каждом деле проверочные закупки были назначены на основе информации, полученной от независимых источников, а именно от частных лиц X., Y. и Z., которые добровольно раскрыли преступную деятельность заявителей. В этой связи, по мнению властей, настоящее дело следует отличать от дела «Ваньян против России» (*Vanyan v. Russia*) (жалоба № 53203/99, постановление от 15 декабря 2005 г.) и упомянутого выше дела «Раманаускас против Литвы».

77. В части, касающейся жалобы Дружинина, Власти также утверждали, что помимо указанной информации от соответствующего частного лица имелся рапорт сотрудника Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков о наличии ранее информации об осуществлении заявителем незаконного сбыта наркотических средств.

78. В любом случае, по мнению Властей, одного источника информации достаточно в соответствии с национальным законодательством для проведения проверочных закупок.

79. Кроме того, Власти утверждали, что ни правоохранительные органы, ни покупатели, действующие в ходе проводившихся тайно операций, не оказывали никакого давления на заявителей с целью продажи наркотиков во время проверочных закупок.

80. Власти также заявили, что формальные требования в отношении порядка проведения проверочной закупки были соблюдены в каждом деле. По мнению Властей, судебного разрешения на соответствующие действия не требуется, поскольку они не посягали на конституционное право заявителей на неприкосновенность переписки, телефонных и иных сообщений или их жилища. Поэтому было достаточно, чтобы проверочная закупка была назначена сотрудником милиции соответствующего высокого уровня. Кроме того, Власти заявили, что использование результатов проверочной закупки в качестве доказательств было законным в соответствии с общими нормами о допустимости доказательств; заявители могли оспорить это в суде, ссылаясь, в том числе, на предположительно имевшую место провокацию.

81. Наконец, Власти указали, что заявления о провокации были рассмотрены национальными судами. Все материалы, связанные с проверочной закупкой, были доступны для изучения участниками судебных процессов, и был проведен допрос всех соответствующих свидетелей. Таким образом, осуждение заявителей за незаконный сбыт наркотических средств является справедливым и законным.

(б) Заявители

82. Заявители утверждали, что проверочные закупки, проведенные в рамках их дел, не преследовали цели расследования уголовных преступлений, поскольку милиция не имела достаточных оснований подозревать их в намерении продать наркотики. Они указали на то, что правоохранные органы не располагали никакой информацией, свидетельствующей об их участии в торговле наркотиками или указывающей на какое-либо намерение к совершению преступлений, связанных с наркотиками.

83. Со своей стороны заявители утверждали, что до проверочных закупок они никогда не занимались сбытом наркотиков и не сделали бы этого, если бы они не были спровоцированы правоохранными органами и их информаторами. Более того, в делах Веселова и Дружинина лица, которые сообщили о заявителях, позже дали показания о том, что они не покупали наркотики у них до этого и не знали, продавали ли они наркотики еще кому-либо. Ссылаясь на довод Властей, касающийся конкретно его дела, Дружинин утверждал, что рапорт, на который они указывают, не содержит никакой ранее полученной информации, которая могла бы позволить правоохранным органам подозревать его в том, он является торговцем наркотиками.

84. В любом случае все три заявителя оспаривали доводы Властей о том, что источниками получения информации правоохранными органами были частные лица, не связанные с оперативно-розыскной деятельностью. Они утверждали, что Х., Y. и Z. долгое время являются информаторами милиции, которые регулярно выступали в качестве покупателей в ходе проверочных закупок наркотических средств. Г-н Веселов подтвердил свой довод копиями судебных решений, вынесенных по несвязанным уголовным делам, в которых тот же источник выступал в качестве покупателя в рамках других проверочных закупок. Г-н Золотухин также утверждал, что источник информации в его деле сотрудничал с милицией в рамках других дел в течение, по меньшей мере, шести месяцев до сообщения о нем, и это было подтверждено в ходе слушания в суде первой инстанции. Г-н Дружинин также заявил, что источник в его деле являлся не обычным частным лицом, а информатором правоохранных органов, что

предположительно стало известно ему в ходе прохождения ранее подготовки в ФСКН.

85. Кроме того, заявители утверждали, что следственные органы не продемонстрировали, что не побуждали заявителей к совершению противоправных действий. Они не предприняли никаких мер для проверки информации, полученной от осведомителей, а ограничились в расследовании только одним мероприятием - проверочной закупкой. Заявители указывали, что правоохранительные органы проявили инициативу с тем, чтобы связаться с ними и убедить их (через информаторов) найти наркотические средства. Они утверждали, что покупатели непрерывно и назойливо докучали им, и они поддались этому давлению на том условии, что они сделают это только один раз в порядке исключения.

86. Кроме того, заявители утверждали, что отсутствие формальных требований в отношении получения разрешения на проведение проверочных закупок и тот факт, что они были плохо задокументированы, не позволили им продемонстрировать (а национальным судам проверить) основания для проведения проверочных закупок и то, каким образом действовали правоохранительные органы и их информаторы.

87. Наконец, заявители указали, что суды не рассмотрели должным образом их доводы о том, что преступления, в которых они обвинялись, были спровоцированы милицией. В целом, по мнению заявителей, их уголовные дела были основаны на провокации и касались преступлений, которые никогда не были бы совершены, если бы не провокация со стороны правоохранительных органов.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

88. Общие принципы, касающиеся гарантий справедливого судебного разбирательства в контексте секретных следственных методов, используемых для борьбы с незаконным оборотом наркотиков и коррупцией, изложены в обширной прецедентной практике Суда, кратко изложенной в постановлении по делу «Банникова против России» (*Bannikova v. Russia*) (жалоба № 18757/06, пункты 33-65, постановление от 4 ноября 2010 г.). Принципы, непосредственно применимые к рассматриваемым делам, повторно приведены ниже.

89. Несмотря на то, что Суд признает использование тайных агентов допустимым следственным приемом для борьбы с тяжкими преступлениями, он требует, чтобы были обеспечены надлежащие гарантии от злоупотреблений, поскольку общественный интерес не может оправдать использование доказательств, полученных в

результате провокации со стороны полиции (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Тейкшейра де Кастро против Португалии», пункты 34-36). В частности, Конвенция не исключает возможности ссылаться в ходе предварительного расследования и в тех случаях, когда характер преступления может это оправдать, на такой источник сведений, как анонимный информатор. Однако, последующее использование такого источника судом в качестве обоснования обвинительного приговора – это совсем другое дело, и допустимо только при наличии адекватных и достаточных гарантий от злоупотреблений, в частности, четкой и предсказуемой процедуры выдачи разрешений, проведения и контроля за соответствующими следственными мероприятиями (см. постановление Европейского Суда от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин против России» (*Khudobin v. Russia*), жалоба № 59696/00, пункт 135, и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Раманаускас против Литвы», пункт 53).

90. В делах, где основное доказательство получено в рамках секретных операций, таких, как проверочная закупка наркотиков, власти должны быть способны доказать, что у них были веские причины для их проведения. В частности, они должны иметь конкретные и объективные доказательства того, что были предприняты начальные шаги с целью совершения деяний, составляющих преступление, в совершении которого заявитель впоследствии обвиняется (см. решение Европейского Суда по делу «Секвейра против Португалии» (*Sequeira v. Portugal*), жалоба № 73557/01, ECHR 2003-VI; решение Европейского Суда по делу «Компания «Еврофинаком» против Франции» (*Eurofinacom v. France*), жалоба № 58753/00, ECHR 2004-VII; решение Европейского Суда по делу «Шеннон против Соединенного Королевства» (*Shannon v. the United Kingdom*), жалоба № 67537/01, ECHR 2004-IV; вышеуказанное постановление по делу «Раманаускас против Литвы», пункты 63 и 64, и вышеуказанное постановление по делу «Милининас против Литвы», пункт 36). Суд указал, что должна существовать возможность проверить любую информацию, на которую опирались власти (см. вышеуказанные постановления по делу «Ваньян против России», пункт 49, и по делу «Худобин против России», пункт 134).

91. Когда власти утверждают, что они действовали на основе информации, полученной от частного лица, Суд проводит различие между индивидуальной жалобой и информацией, поступающей от лица, сотрудничающего с полицией, или ее информатора (см. вышеуказанные решения по делу «Секвейра против Португалии» и по делу «Шеннон против Соединенного Королевства»; постановление Европейского Суда от 24 июня 2008 г. по делу «Милиниене против Литвы» (*Miliniene v. Lithuania*), жалоба № 74355/01, пункты 37-38;

вышеуказанное постановление по делу «Малининас против Литвы», пункт 37, и постановление от 16 июля 2009 г. по делу «Горгиевский против Македонии» (*Gorgievski v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"*), жалоба № 18002/02, пункты 52 и 53). В последнем случае существует значительный риск расширения роли соответствующих лиц до роли агентов-provocateurs (*agents provocateurs*) в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, если они должны принять участие в контролируемой полицией операции. Поэтому крайне важно в каждом конкретном случае установить, осуществлялось ли преступное деяние на момент, когда источник начал сотрудничество с полицией (см. вышеуказанное решение по делу «Секвейра против Португалии» и по делу «Компания «Еврофинаком» против Франции»).

92. Кроме того, любая секретная операция должна соответствовать требованию о том, что расследование должно проводиться, в основном, пассивным образом. Это исключает, в частности, любое действие, которое может быть истолковано как давление, оказываемое на заявителя в целях совершения преступления, например, проявление инициативы по установлению контакта с ним, повторение предложения, несмотря на первоначально полученный отказ, настойчивое напоминание, повышение цены выше средней или апеллирование к чувству сострадания заявителя посредством упоминания об абстинентном синдроме (см., помимо прочих дел, вышеуказанные постановления по делу «Раманаускас против Литвы», пункт 67, «Ваньян против России», пункты 11 и 49, и «Малининас против Литвы», пункт 37).

93. Суд установил, что грань между законным внедрением тайного агента и провокацией к совершению преступления может с большей вероятностью быть нарушенной, если в отношении санкционирования секретных операций национальное законодательство не предусматривает четкой и предсказуемой процедуры; тем более, если надлежащий контроль за их проведением также отсутствует. В делах против России Европейский Суд установил, в частности, что ни Закон об оперативно-розыскной деятельности, ни другие инструменты не предусматривают достаточных гарантий в отношении проведения проверочных закупок, и указал на необходимость осуществления их судебного или иного независимого санкционирования и надзора (см. вышеуказанные постановления по делу «Ваньян против России», пункты 46 и 47, «Худобин против России», пункт 135, и «Банникова против России», пункты 49-50).

94. Наконец, Суд подчеркивал роль национальных судов, рассматривающих уголовные дела, в рамках которых обвиняемый утверждает, что его подстрекали к совершению преступления. Суды обязаны рассматривать любое спорное заявление о провокации способом, совместимым с правом на справедливое судебное

разбирательство. Соответствующая процедура должна быть состязательной, тщательной, всесторонней и влекущей формулирование вывода по вопросу о провокации. При этом бремя доказывания возлагается на сторону обвинения, которая должна доказать, что провокация отсутствовала (см. вышеуказанное постановление по делу «Раманаускас против Литвы», пункт 70). В ходе судебного рассмотрения должны быть исследованы основания, по которым была назначена секретная операция, степень участия полиции в совершении преступления и характер любой провокации или давления, которому подвергся заявитель (там же пункт 71). Что касается России, Суд установил, что национальные суды имеют возможность рассматривать такие заявления, в частности, в рамках рассмотрения вопросов об исключении доказательств (см. вышеуказанное постановление по делу «Худобин против России», пункты 133-135).

(б) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

95. Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных обстоятельств дел трех заявителей, Суд изложит общие соображения, которые относятся ко всем из них. Суд отмечает, что при оспаривании справедливости уголовных разбирательств заявители утверждали, что проверочные закупки в рамках их дел были назначены произвольно в отсутствие предварительной информации о какой-либо преступной деятельности с их стороны, и что власти провели расследование таким образом, который не был «по существу, пассивным». Все они утверждали, что источники правоохранительных органов по их делам были информаторами милиции, а не независимыми лицами. Они также жаловались на отсутствие нормативной базы, обеспечивающей гарантии защиты при проведении секретных операций, и утверждали, что национальные суды не рассмотрели должным образом их заявления о провокации.

96. Следовательно, центральным вопросом в данном случае является то, каким образом власти провели проверочные закупки. Суд отмечает, что, несмотря на то, что предыстория и обстоятельства трех секретных операций отличаются, они имеют ряд общих черт. В частности, они были назначены исключительно на основании предположительно добровольного предоставления информации частным источником, который впоследствии выступал в качестве покупателя в рамках проверочной закупки. В каждом случае личность источника была установлена и он дал показания в суде. Никакая другая нераскрытая информация не сыграла какой-либо роли в рамках национального процесса принятия решений и их судебной оценки. Обстоятельства последующих сделок, осуществленных между заявителями и секретными агентами, были достоверно установлены, и,

в основном, сторонами не оспариваются. Соответственно, Суд сможет рассматривать жалобы заявителей на провокацию, имея в распоряжении те же материалы, что и национальные власти. Принимая во внимание характер жалоб и факты, лежащие в их основе, Суд рассмотрит, были ли заявители подвергнуты провокации со стороны милиции, что является основным вопросом в рамках оценки провокации по существу (см. вышеуказанное постановление по делу «Банникова против России», пункты 37-50), хотя последующий судебный контроль также будет принят во внимание.

97. Таким образом, Суд приступает к оценке действий властей в каждом из трех случаев проверочных закупок.

(i) Проверочная закупка в рамках дела Веселова

98. По данным национальных властей, указанная проверочная закупка была назначена после добровольного сообщения от другого гражданина о преступной деятельности заявителя. По утверждению Властей, соответствующая информация была доведена до сведения милиции независимым источником – частным лицом Х. Заявитель оспаривал данное объяснение и утверждал, что Х. работал информатором милиции и ранее принимал участие в иных проверочных закупках, в результате, как минимум, четырех из которых другие лица были привлечены к уголовной ответственности.

99. Стороны согласились и это подтверждается национальными решениями, что милиция не располагала никакой другой информацией о заявителе до момента сообщения им таковой Х. 19 мая 2009 г. Кроме того, согласно показаниям Х., он никогда не покупал наркотики у заявителя, кроме как в ходе проверочной закупки. Власти, тем не менее, считали, что информация, предоставленная Х., дала милиции достаточно оснований для назначения проверочной закупки, и не поставили под сомнение обоснованность ее организации незамедлительно.

100. Суд обращает внимание на документальные доказательства, представленные заявителем, которые подтверждают участие Х. в других не связанных с настоящим делом проверочных закупках, проведенных милицией, и полагает, что это убедительно доказывает долгосрочное сотрудничество Х. с правоохранительными органами.

101. Суд считает, что статус Х. в качестве информатора милиции отличает настоящее дело от ситуаций, когда милиции лишь сообщается частным лицом, а не лицом, сотрудничающим с милицией или информатором, о преступном деянии, которое уже начато. Примерами таких ситуаций могут служить дело Шеннона (см. вышеуказанное решение по делу «Шеннон против Соединенного Королевства»), где полиция получила полное досье, в котором были задокументированы факты продажи наркотиков заявителем, и дело

Милиниене (см. вышеуказанное постановление по делу «Милиниене против Литвы»), где власти получили индивидуальную жалобу на то, что заявитель требовал взятку. В обоих делах полиция действовала в рамках обязанности проверить обвинения в совершении преступлений, которые уже совершаются. Суд посчитал, что в таких делах использование рассматриваемых методов расследования не было связано с риском того, что преступление будет спровоцировано полицией, при условии, что существовали четкие процессуальные гарантии.

102. Когда речь идет о сообщениях лиц, сотрудничающих с полицией, и информаторов, применимы другие соображения. Суд потребовал, чтобы проводилось четкое различие между их использованием в качестве источников и их участием в секретных операциях под руководством полиции. Он неоднократно подчеркивал, что их роль должна оставаться строго пассивной, чтобы не понуждать к совершению преступления, что сложно обеспечить, если проверочная закупка проводится информатором, выступающим в качестве покупателя (как в вышеуказанном деле «Худобин против России», пункт 134). Таким образом, проверочная закупка, проводимая секретным агентом или информатором, должна иметь особо убедительное обоснование, обеспечивающее наличие строгих процедур получения разрешения на ее проведение и документирование способом, позволяющим впоследствии провести независимую оценку действий участников.

103. Что касается процедуры выдачи разрешения, Суд обращает внимание на то, что в положениях российского права, регламентирующих порядок санкционирования и контроля проверочных закупок, были установлены недостатки при рассмотрении упомянутых выше дел «Ваньян против России» (пункты 46 и 47) и «Худобин против России» (пункт 135), и отмечает, что соответствующий порядок с тех пор не изменился. В то время как в соответствии с внесенными в 2007 году поправками в закон провокация была явным образом признана незаконной (см. пункт 44 выше), никакие законодательные или регулятивные инструменты не дают определения и толкования этого термина, равно как и какого-либо практического руководства с тем, чтобы ее избежать.

104. Как и в вышеупомянутых делах, проверочная закупка в отношении заявителя была назначена простым административным решением органа, который позже проводил операцию; в решении содержалось очень мало информации касательно оснований и целей запланированной проверочной закупки, и операция не была подвергнута судебному контролю или какому-либо иному независимому надзору. Необходимость обосновывать принятое

решение отсутствовала, и не требовалось соблюдения практически никаких формальностей.

105. Суд отмечает, что подобные следственные действия строго регламентируются в других государствах-членах Совета Европы. Большинство систем правосудия требуют получения разрешения судьи или прокурора на проведение проверочных закупок и аналогичных секретных операций. В тех немногих странах, где суд и прокуратура не участвуют в процедуре санкционирования проведения этих мероприятий, органы, принимающие решения, тем не менее, независимы от служб, которые осуществляют операцию. Полиция, как правило, должна обосновать необходимость такой меры органу, принимающему решение (см. пункт 50 и далее выше).

106. Из этого следует, что российская система, где проверочные закупки и оперативные эксперименты полностью отнесены к компетенции оперативно-розыскных органов, не соответствует практике, принятой большинством государств-членов. Суд считает, что данный недостаток демонстрирует структурную неспособность обеспечить гарантии защиты от провокации со стороны полиции.

107. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд рассмотрит, несмотря на отсутствие системных гарантий защиты, обеспечила ли милиция статус Х. в качестве информатора и то, чтобы его действия не выходили за рамки между законным внедрением и провокацией к совершению преступлений.

108. Суд отмечает, что милиция приступила к проведению проверочной закупки сразу после первого сообщения Х. в отношении заявителя и без какой-либо попытки проверить эту информацию или рассмотреть применение иных способов расследования предполагаемой преступной деятельности заявителя. Напротив, в вышеуказанном деле «Банникова против России» (пункт 69), проверочной закупке предшествовал ряд следственных действий, в первую очередь, прослушивание телефонных переговоров, санкционированное судом, что обеспечило получение вещественных доказательств уже существующих намерений заявителя продать марихуану. Эти доказательства были впоследствии доступны для рассмотрения в открытом судебном заседании, и были учтены при оценке Европейским Судом соответствующей секретной операции (см. там же). В рамках настоящего дела Суд полагает, что милиция не восполнила отсутствие процессуальных гарантий, а скорее использовала эти несправедливые преимущества.

109. Суд напоминает в этой связи, что бремя доказывания отсутствия факта провокации лежит на властях, но на практике отсутствие официальных разрешений и надзора за проведением тайных операций может не позволить властями исполнить эту обязанность по доказыванию (см. вышеуказанное постановление по

делу «Раманаускас против Литвы», пункт 70; вышеуказанное постановление по делу «Тейкшейра де Кастро против Португалии», пункт 38; и вышеуказанное постановление по делу «Банникова против России», пункт 48).

110. В настоящем деле данная обязанность по доказыванию не может быть исполнена, поскольку действия милиции в ходе секретной операции не были тщательно рассмотрены национальными властями, а досье содержит недостаточно информации для Суда, чтобы вынести решение по данному вопросу на основании нее. Суд отмечает, в частности, что в ходе национальных разбирательств было установлено, что заявитель общался с Х. через посредника «Руслана». Несмотря на свою роль в секретной операции, данный человек не был допрошен в ходе судебного разбирательства по делу заявителя, очевидно, в связи с тем, что его личность не была установлена властями. Соответственно, отсутствовал важный элемент для проведения на внутригосударственном уровне оценки предположительной провокации. Более того, содержание телефонных разговоров «Руслана» с Х. не было учтено, так как эти разговоры не были записаны. Аналогичным образом разговоры между участниками сделки, которые прослушивались милицией при проведении проверочной закупки, не были записаны или зафиксированы иным образом. Суд не упускает из внимания необходимость получения судебного разрешения на проведение такой записи, однако из материалов дела не следует, что сроки проведения проверочной закупки были слишком сжатыми или что существовали другие препятствия для получения этого разрешения. Собранные таким образом доказательства имели бы высокую доказательную ценность для оценки какого-либо ранее существовавшего намерения у заявителя совершить преступление.

111. Суд считает, что неформальный и спонтанный способ, посредством которого была назначена и проведена проверочная закупка в рамках настоящего дела, был обусловлен, в частности, вышеупомянутым отсутствием надлежащего регулирования таких секретных операций. С одной стороны, отсутствие в законе условий использования данного вида оперативно-розыскного мероприятия оставило возможность для злоупотреблений в ходе соответствующих действий. С другой стороны, это помешало властям впоследствии выполнить свое бремя доказывания того, что их действия были строго пассивными. Принимая во внимание тот факт, что Х. ранее был информатором милиции, а также ввиду отсутствия каких-либо доказательств в отношении характера его непосредственных контактов с заявителем, Суд предположит, что провокация со стороны милиции действительно имело место.

112. Наконец, Суд отмечает, что национальные суды прямо отказались рассмотреть по существу заявление о провокации заявителя, в частности, когда суд первой инстанции отклонил доказательства предыдущего участия Х. в проверочных закупках и отказал в рассмотрении вопросов, связанных с его предполагаемой наркозависимостью и наличием судимости за торговлю наркотиками. Кроме того, суд кассационной инстанции не провел никакого рассмотрения заявления о провокации заявителя, несмотря на его подробные и конкретные доводы в кассационной жалобе. Из этого следует, что утверждение заявителя о провокации не было должным образом рассмотрено национальными судами.

113. В свете изложенных соображений Суд делает вывод о том, что совокупность данных элементов подрывает справедливость судебного разбирательства в отношении заявителя.

(ii) Проверочная закупка в рамках дела Золотухина

114. Прежде всего, Суд отмечает, что данная проверочная закупка, как и рассмотренная выше, была назначена исключительно на том основании, что У., предположительно, частное лицо, добровольно сообщила милиции о преступной деятельности заявителя. Как и в предыдущем деле, представление У. в качестве независимого источника оказалось неправдой. Как выяснилось в ходе судебного разбирательства, она работала в качестве осведомителя сотрудника милиции, который проводил проверочную закупку по делу заявителя, и ранее участвовала в других проверочных закупках.

115. Кроме того, Суд отмечает, что У., в отличие от Х., утверждала, что она ранее приобретала героин у заявителя, и, следовательно, признает, что у милиции были основания подозревать заявителя в торговле наркотиками. Однако он напоминает о том, что должно проводиться различие между частными источниками и осведомителями (см. пункты 101-102 выше) и считает, что те же принципы применимы и в отношении данного дела. Учитывая статус У. как информатора, ее участие в секретной операции должно было быть, по существу, пассивным.

116. В этой связи Суд переходит к вопросу о том, способны ли были контакты У. с заявителем понудить его к совершению преступления. Этот вопрос, как и в деле Веселова, не может быть разрешен, так как Суд не считает материалы дела достаточными для оценки ее действий. Он отмечает, что не велась никакая запись начального этапа операции, когда У. позвонила заявителю в соответствии с указаниями и в присутствии милиции и попросила его продать ей наркотики. Несмотря на то, что данный телефонный звонок уже был частью проверочной закупки, он не был записан с помощью каких-либо средств, что не позволяет проверить, предложил ли заявитель в этот

момент свои услуги добровольно или иным образом продемонстрировал существующее намерение совершить преступление. Суд также отмечает, что милиция приступила к проведению проверочной закупки сразу после первого сообщения У. в отношении заявителя и не предприняв никакой попытки проверить информацию или рассмотреть другие способы расследования предполагаемой преступной деятельности заявителя.

117. По мнению Суда, описанные недостатки являются следствием отсутствия регулятивной базы, предусматривающей гарантии защиты при проведении секретных операций, как и в деле Веселова (см. пункты 104-106 выше), и это не позволило властям выполнить бремя доказывания в отношении «по существу пассивного» способа расследования. Как и в предыдущем деле, с учетом статуса У. как информатора милиции в совокупности с отсутствием подтвержденных сведений о характере его контактов с заявителем, нельзя исключать то, что Золотухин совершил преступление в результате провокации со стороны милиции.

118. Суд далее отмечает, что в ходе судебных разбирательств заявитель утверждал, что его подстрекали к совершению преступления. Соответственно, национальные суды были обязаны изучить заявление о провокации, в том числе, основания, по которым была назначена операция, степень причастности милиции к совершению преступления и характер любой провокации или давления, которому подвергся заявитель (см. вышеуказанное постановление по делу «Раманаускас против Литвы», пункт 71). Суд отмечает, однако, что эти вопросы получили лишь незначительное внимание со стороны суда первой инстанции и не были рассмотрены судом кассационной инстанции, несмотря на то, что они были поставлены в кассационной жалобе заявителя. Из этого следует, что утверждение о провокации заявителя не получило должного внимания со стороны национальных судов.

119. В свете изложенных соображений Суд делает вывод о том, что совокупность данных элементов подрывает справедливость судебного разбирательства в отношении заявителя.

(iii) Проверочная закупка в рамках дела Дружинина

120. Суд отмечает, что данный заявитель, как и двое других, утверждал, что покупатель в ходе его проверочной закупки, Z., также была информатором правоохранительных органов. Однако, в отличие от заявителей в рассмотренных выше двух делах, он не смог обосновать данный довод. В этой связи Суд будет исходить из того, что в деле Дружинина следственные органы рассматривали Z. в качестве частного источника.

121. Суд также отмечает, что Z. никогда не утверждала, что покупала наркотики у заявителя до проверочной закупки, и сообщила об этом в ходе судебного разбирательства. Кроме того, она заявила, что, насколько ей было известно, он не продавал наркотики кому-либо еще, и что она знала, что он их не производил. В действительности она сообщила милиции, что она могла почти наверняка заставить его приобрести наркотики для нее. Суд также отмечает, что милиция признала, что у них не было другой информации о заявителе до момента, когда Z. добровольно сообщила ее им.

122. Власти указали, что правоохранные органы располагали другой предварительной информацией, подтверждающей незаконную деятельность заявителя, предположительно упомянутую в рапорте сотрудника ФСКН от 4 сентября 2008 г. Суд, однако, согласен с заявителем в том, что в соответствующем рапорте речь идет о сведениях, полученных от Z., и именно так национальные суды истолковали содержание этого документа. Таким образом, Суд не может согласиться с тем, что проверочная закупка была назначена по каким-либо иным основаниям, кроме утверждений Z. Из этого следует, что следственные органы не имели веских оснований подозревать заявителя в торговле наркотиками; материалы дела подтверждают, что они назначили проведение проверочной закупки, в полной мере осознавая, что это может быть первый раз, когда заявитель продал наркотики.

123. Суд считает, что указанное решение не может быть охарактеризовано иначе, как произвольное, и рассматривает его как прямой результат отсутствия нормативной базы, предусматривающей гарантии защиты при проведении секретных операций (см. пункты 104-106 выше). Также как и две проверочные закупки, рассмотренные выше, данная закупка была назначена посредством принятия простого административного решения тем же органом, который ее проводил. Аналогичным образом не велось какой-либо записи начального этапа операции, когда Z. позвонила заявителю в соответствии с указаниями и в присутствии сотрудников правоохранных органов и попросила его продать ей наркотики, равно как и их последующих телефонных разговоров. Результат данного упущения был аналогичным результату в двух других делах: власти оказались лишенными возможности доказать уже существующее намерение заявителя совершить преступление.

124. Что касается судебного рассмотрения заявления о провокации, Суд отмечает, что суд первой инстанции косвенным образом отклонил его без проведения какой-либо оценки или указания своих выводов по этому вопросу. Суд кассационной инстанции ограничил свое рассмотрение по этому вопросу утверждением о том, что Z. ранее покупала наркотики у заявителя, что свидетельствовало о его ранее

существовавшем намерении. Данный вывод, однако, противоречил показаниям самой Z. в ходе слушания в суде первой инстанции и не следовал из каких-либо других доказательств, рассмотренных в суде первой и кассационной инстанции. Таким образом, Суд делает вывод о том, что национальные суды не смогли предпринять необходимые шаги для того, чтобы определить, имела ли место провокация, несмотря на их обязательство это сделать в соответствии со статьей 6 Конвенции.

125. Суд считает, что все указанные обстоятельства неотвратимо подрывают справедливость уголовного судопроизводства в отношении заявителя.

(iv) Краткое изложение выводов Суда

126. Суд установил выше, что осуждение заявителей за совершение преступлений, связанных с наркотиками, было основано, главным образом, на результатах контролируемых правоохранительными органами проверочных закупок. Ни в одном из этих дел сотрудники правоохранительных органов не изучили возможность проведения других следственных действий, чтобы проверить подозрение о том, что заявители являлись торговцами наркотиками. Учитывая такой сильный акцент на результатах секретных операций и их важность для исхода уголовных разбирательств, национальные власти должны были гарантировать, чтобы порядок, согласно которому назначались и проводились проверочные закупки, исключал возможность злоупотребления полномочиями, в частности, провокацию. Тем не менее, Суд установил, что ответственность милиции за действия своих сотрудников и информаторов не может быть установлена, в основном, из-за наличия системной проблемы – отсутствия четкой и предсказуемой процедуры санкционирования проведения проверочных закупок. Суд повторил выработанную в его практике позицию, согласно которой санкционирование проведения проверочной закупки посредством простого административного решения одного и того же органа, что и проводит операцию, без какого-либо независимого контроля, без необходимости обосновывать проведение операции и практически без формальностей является, по существу, ненадлежащим (см. пункты 103, 106, 117 и 123 выше). При сравнении данной системы с практикой других государств-членов Суд установил, что в большинстве других стран проведение проверочной закупки и аналогичных секретных операций имеет ряд процессуальных ограничений (см. пункты 105-106 выше). В России, напротив, оперативно-розыскные органы имеют в своем распоряжении такой навязчивый следственный метод, который, очевидно, не предусматривает никаких системных гарантий защиты от злоупотреблений.

127. В обстоятельствах настоящих дел именно имеющая недостатки процедура получения разрешения на проведение контрольной закупки подвергла заявителей произвольным действиям со стороны правоохранительных органов и подорвала справедливость уголовных судопроизводств в отношении них. Национальные суды, в свою очередь, не рассмотрели надлежащим образом утверждения о провокации заявителей, в частности, основания для проведения проверочных закупок, а также действия правоохранительных органов и их информаторов по отношению к заявителям.

128. С учетом изложенного Суд считает, что уголовные разбирательства в отношении всех трех заявителей были несовместимы с понятием справедливого судебного разбирательства. Соответственно, имело место нарушение статьи 6 Конвенции.

III. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

129. Наконец, Золотухин жаловался на предполагаемое отсутствие правовой помощи и возможности допросить некоторых свидетелей. Он ссылаясь на статьи 3, 4, 5 и 6 Конвенции. Суд рассмотрел данные жалобы, представленные заявителем. Однако, в свете всех материалов, имеющихся в его распоряжении, и в той мере, в которой затронутые в жалобе вопросы находятся в пределах его компетенции, Суд считает, что они не раскрывают никаких признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

130. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд устанавливает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

131. Веселов требовал 50 000 евро в качестве компенсации морального ущерба. Золотухин требовал выплаты компенсации морального ущерба в размере, установленном Судом. Дружинин

требовал 128 000 евро в качестве компенсации морального ущерба, а также 73 200 евро в счет компенсации материального ущерба за утрату заработка в течение пяти лет заключения, исходя из месячной заработной платы в сумме 1 000 евро, которую он бы получал, если бы не был осужден за преступление, спровоцированное правоохранительными органами.

132. Власти посчитали, что признание нарушения, если таковое будет установлено Судом, составит достаточную справедливую компенсацию по настоящему делу. Они оспорили суммы требований Веселова и Дружинина как чрезмерные и не соответствующие суммам, присужденным Судом в рамках аналогичных дел.

133. Суд считает, что присуждение справедливой компенсации должно основываться в данном деле на том факте, что в отношении заявителей не были проведены справедливые судебные разбирательства в связи с их осуждением за связанные с наркотиками преступления, спровоцированные милицией в нарушение статьи 6 Конвенции. Они, бесспорно, понесли моральный ущерб в результате нарушения их прав. Однако суммы, заявленные Веселовым и Дружининым, являются чрезмерными. Принимая решение на справедливой основе, Суд присуждает каждому из трех заявителей по 3 000 евро в качестве компенсации морального ущерба, включая любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

134. Кроме того, Суд обращается к своей устоявшейся прецедентной практике, согласно которой в случае нарушения прав заявителя, гарантированных статьей 6 Конвенции, необходимо, чтобы заявитель был поставлен в максимальной степени в такое положение, как если бы требования, указанные выше, не были нарушены, и наиболее приемлемой формой восстановления прав в принципе может являться возобновление судопроизводства, если таковое будет испрошено (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Окалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, пункт 210 *in fine*, ECHR 2005-IV; вышеуказанное постановление по делу «Малининас против Литвы», пункт 43, и постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 г. по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 264). В этой связи Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статья 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусматривают основание для возобновления производства по делу в случае установления Судом нарушения положений Конвенции (см. пункт 49 выше).

135. Что касается материального ущерба, заявленного Дружининым, Суд хотел бы подчеркнуть, что решение о возмещении убытков в данном случае относится к порядку, в котором проводилось

разбирательство, и не существует никакой связи между таким порядком и заявленным материальным ущербом.

136. Никаких выводов о виновности или невиновности заявителей не может быть сделано на основании установления факта нарушения. Эти вопросы должны рассматриваться в рамках возобновленных национальных разбирательств. Суд отмечает, что в случае оправдательного приговора в рамках возобновленных разбирательств они вправе требовать компенсации материального и морального ущерба, причиненного в связи с их осуждением, и национальные суды будут находиться в лучшей позиции для рассмотрения таких требований.

Б. Издержки и расходы

1. Веселов

137. Заявитель требовал 35 000 рублей в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в национальных судах, и 120 000 рублей в отношении расходов и издержек, понесенных в Суде, включая 60 000 рублей в счет оплаты услуг адвоката, связанных с подачей жалобы в Суд, и 60 000 рублей за предоставление ответа на замечания Властей. Он предоставил квитанции, подтверждающие оплату указанных сумм.

138. Власти ответили, что они не видят оснований для присуждения заявителю компенсации издержек, понесенных в ходе национальных разбирательств, и оспорили требование в отношении разбирательств в Суде на том основании, что заявитель не указал почасовые ставки своего адвоката.

139. Согласно прецедентной практике Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности, по необходимости и в разумном объеме. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд удовлетворяет требования Веселова в полном объеме и присуждает заявителю по данному пункту 4 000 евро.

2. Золотухин

140. Заявитель пояснил, что он не может точно указать или обосновать свои требования по данному пункту, так как он потерял подтверждающие документы.

141. Власти не представили комментариев по данному вопросу.

142. Согласно прецедентной практике Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности, по

необходимости и в разумном объеме. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд не присуждает Золотухину никакой суммы по данному пункту.

3. Дружинин

143. Заявитель требовал 100 000 рублей в качестве компенсации издержек и расходов, понесенных в ходе разбирательства в Суде. Он предоставил копию договора об оказании услуг с адвокатом Тучиным, в котором содержится разбивка вознаграждения, подлежащего уплате за подачу первоначальной жалобы (10 000 рублей), за полное изложение фактов и жалоб (26 000 рублей), за ответ на замечания Властей (60 000 рублей) и за переписку с Судом (4 000 рублей).

144. Власти оспорили данное требование на том основании, что заявитель не указал почасовые ставки своего адвоката.

145. Согласно прецедентной практике Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности, по необходимости и в разумном объеме. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд удовлетворяет требования Дружинина в полном объеме и присуждает заявителю по данному пункту 2 600 евро.

В. Проценты за просрочку платежа

146. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* объединить жалобы;
2. *объявил* жалобы относительно осуждения заявителей за совершение преступлений, спровоцированных правоохранительными органами, приемлемыми, а остальную часть жалоб неприемлемой;
3. *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении всех трех заявителей;

4. постановил,

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям следующие суммы, переведенные в российские рубли по курсу, действующему на дату выплаты:

(i) по 3 000 (три тысячи) евро каждому заявителю, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального ущерба;

(ii) 4 000 (четыре тысячи) евро в пользу Веселова, плюс любой налог, подлежащий уплате с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(iii) 2 600 (две тысячи шестьсот) евро, плюс любой налог, подлежащий уплате заявителем с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки платежа, плюс три процента;

5. отклонил остальную часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 2 октября 2012 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Нина Вайич
Председатель